

К Р О К О Д И Л

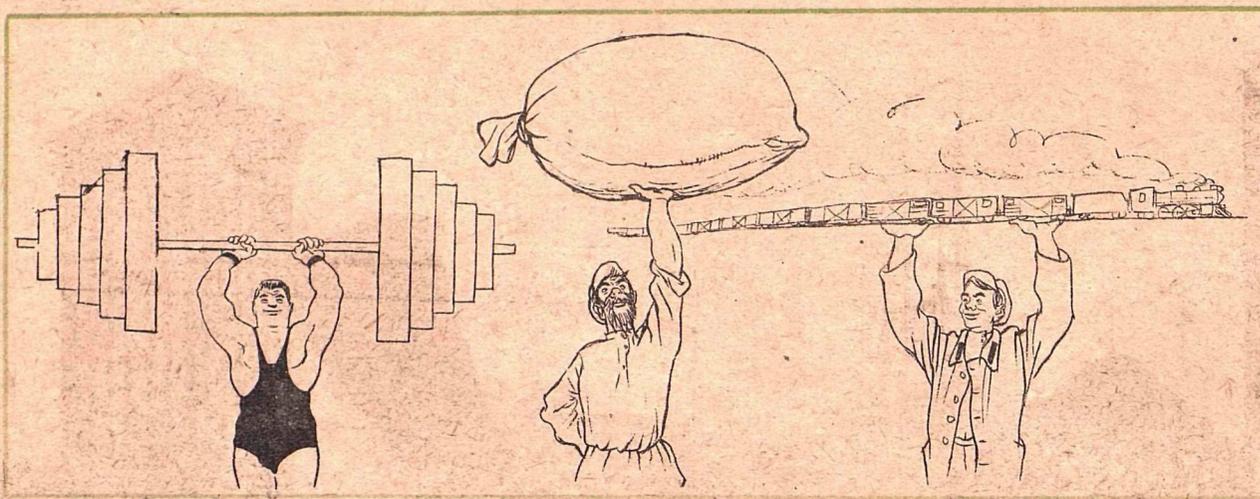
К 556/
41r

Рис. Б. Пророкова

Под родным крылом

Рис. И. Семенова

Смелее от рекордов старых
К победам новым перейти!
И на ковре,
и на гектарах,
и на дистанциях пути!

Аппаратик

ОБ ИЗОБРЕТЕНИИ кассира Копейкина стало известно именно в тот день, когда он с обычной своей ласковой улыбкой сказал младшему счетоводу:

— Трудно мне, Фимочкин...

По отделу разносился громовый голос директора, который отчитывал в своем кабинете главного бухгалтера. Копейкин нервно поежился.

— Очень мне трудно. Я человек сдержанный, я крика не люблю, а кругом крик — и дома, и в трамвае, и на работе.

— Нехорошо, — согласился Фимочкин. — По-моему, уж лучше тихо и благородно в ухо в'ехать. И безо всякого крика.

— Нет, — сказал Копейкин. — Это тоже все-таки не метод. Я вот недавно в одной интересной книжке вычитал иранскую поговорку: «Лучше идти, чем бежать; лучше стоять, чем сидеть; лучше лежать, чем сидеть». А я еще от себя добавил: «Лучше говорить спокойно, чем кричать».

В это время из кабинета директора выскочил главный бухгалтер, взволнованный и пятнистый, и начал кричать на всех подряд и больше всех на Копейкина:

— Сидите, как богородица, прилепились к своему несгораемому, а я за всех отвечаю!

Немного погодя пришла уборщица Груша и принесла чай. Подавая стакан кассиру Копейкину, она опрокинула его на заклеенную стопку зелененьких трехрублевки. Она сейчас же вскрикнула диким куриным голосом:

— Понасажали вас тут! Стакана из рук принять не можете! — и вышла, громко хлопнув дверью.

Потом два посетителя, которым Копейкин ласково сказал, что деньги будут после трех, выкрикивали некрасивые слова, обидные персонально для самого кассира, косвенно — для учреждения, где он работал, и даже задела город, в котором это учреждение находилось.

Копейкин сушил промокашкой трехрублевки, думал: «А все-таки лучше говорить спокойно, чем кричать» — и вспомнил, как утром жена и сын Митя гораздо громче, чем бы ему хотелось, называли его растяпой.

Вот тут-то и заговорили сначала в одном углу, в том самом, где сидел счетовод Фимочкин, а затем и во всем учреждении об изобретении кассира Копейкина.

Сперва даже не было в точности известно, что именно изобрел Копейкин. Но вскоре Фимочкин, подтверждая свои слова божбой и страшными клятвами, сказал:

— Что б мне так жить! Он, понимаете, изобрел такой аппаратик... Я в деталях не раз-

бираюсь, у меня образование ниже среднего, но функции его объяснить могу...

Вскоре и в швейцарской, и в кабинете директора, и в буфете знали, что изобретенный Копейкиным аппаратик очень маленький и носит он его когда в кармане, когда в кулаке, а когда даже и во рту.

— Чорт возьми! — удивлялись сослуживцы и, понизив голос до шопота, спрашивали у Фимочкина: — А как вы полагаете, неужели он так-таки все и записывает?

— Решительно все! — говорил Фимочкин. — Там, понимаете, какую-нибудь пружинку нажать или клапанчик открыть — и пошла писать! Самые некрасивые выражения, понимаете, записывает орфографически правильно. Утром, понимаете, аппаратик заводится, весь день фиксирует, а к вечеру у вас полная картина: один, понимаете, кричит блажью, другой некультурно выражается, третий, может быть, зевает в связи с неуплотнением рабочего дня...

— Так-то оно так, — задумчиво сказал главный бухгалтер, — только я не понимаю, для чего все это записывать?

Фимочкин пожал плечами:

— Надо полагать, для учета. В конце месяца развернутая картина: такой-то ругался столько-то раз такими-то словами.

Кассир Копейкин сидел в своем углу с разложенными для просушки трехрублевками, когда к его столу, обтирая фартуком руки, подбежала уборщица Груша:

— Батюшки мои! Да что же это вы сами-то затрудняетесь, товарищ Копейкин? Я облила, моя и вина. Дайте-ка я их тряпочкой протру.

Копейкин застыдился было и даже сказал: «Что вы, что вы!» — но Груша только отмахнулась. Она прибрала на столе и мимоходом, оправляя на Копейкине полотняную толстовку, спросила:

— Товарищ Копейкин, а он как: и мысли тоже записывает или покамест одни разговоры?

— Что это? — переспросил Копейкин.

— Да нет уж, это я так, — хихикнула Груша. — Коли чего понадобится, вы покричите.

Проходя мимо секретарши, она сделала круглые глаза и прошептала:

— За щекой он его держит, честное слово! И даже слышать, как там шестереночка работает: тик-тик-тик...

В этот день секретарша медовым голосом приняла четыре телефонограммы и даже изячно осведомилась у сослуживцев, не мешает ли она им работать. С добродушной улыбкой вышел из своего кабинета директор и, улегшись

животом на стол главного бухгалтера, заговорил на «ты»:

— Ты ведь, брат ты мой, в некотором роде моя финансовая совесть. Сопрешишь другой раз против совести, а ведь никуда от нее не уйдешь...

Главный бухгалтер заулыбался и посвежел. А Копейкин тихо сидел с невинным и ласковым лицом возле несгораемого шкафа.

— Хитрюга! — поощрительно сказал Фимочкин. — Даже и виду не подает. Пойти предупредить людей, чтоб не очень-то забывались.

Когда после работы Копейкин ушел домой, главный бухгалтер басовито кашлянул:

— Чорт его знает! Что же теперь прикажете на цыпочках ходить и каждое слово взвешивать?

— Ах, какой вы неосторожный! — прошептала секретарша. — А может, он свой аппаратик в несгораемом замкнул, и он лежит там и все решительно записывает...

Главный бухгалтер замолчал, вежливо простился и ушел...

Вскоре Фимочкина призвали в армию. Сотрудники тепло и немного завистливо с ним простились, а Груша и секретарша даже его расцеловали. Копейкину Фимочкин сунул в карман запечатанный конверт.

— После прочтете, — сказал он. Копейкин был нелюбопытный. Он забыл о конверте и носил его в кармане толстовки до тех пор, пока жена не забрала ее в стирку. Найдя конверт, жена немедленно вскрыла его и прочла:

«Дорогой товарищ Копейкин! Конечно же, лучше говорить спокойно, чем кричать! У нас теперь все привыкли быть вежливыми, а потому хотите — врите дальше, а не хотите — не надо. Я выдумал, будто вы изобрели аппаратик, который фиксирует все слова и звуки и будто вы его носите то в кармане, то за щекой — в общем где придется. И все поэтому остерегались. Ну, как хотите теперь. Будьте здоровы. Ваш Фимочкин.

P. S. Ваша жена и сын Митя тоже знают про аппаратик и опасаются».

Говорят, что дома на Копейкина кричат снова как на водовозную лошадь. Правда, кричит только жена. Сын Митя привык быть вежливым, так вежливым и остался.

На работе про письмо не знают и думают, что кассир Копейкин все еще носит свой аппаратик за щекой.

А может быть, ничего не думают и даже вовсе забыли про аппаратик, а просто ведут себя прилично, потому что лучше же говорить спокойно, чем кричать.

В. КАРБОВСКАЯ

Дядя Сам не свой.

Шарабан

ДА, ВОТ ТЕПЕРЬ целым вагоном едем в Москву на Выставку. О наших колхозах пишут во всех газетах. Одних орденосцев у нас семьдесят человек. А ведь когда-то наш район был самым отстающим в области. Бывало, люди уже выезжают на сенокос, а мы все еще сеем просо. Люди уже отмолотились, подняли зябь, распределили доходы, поют песни, а мы никак не управимся с тощими своими хлебами; на них льют осенние дожди, падает первый снежок. Чего только мы ни делали, чтобы «выправить положение»! Каждый квартал сменяли в колхозах председателей, заводили «дела» на бригадиров, и не было у нас такого деревенского коммуниста, который не ходил бы с тремя выговорами. Впрочем, в те годы деревенских коммунистов у нас было мало — человек шестьдесят, — то есть почти вдвое меньше чем в нашем районном городке Туйске. Однако главное ударение мы делали не на этих коммунистов, а на городских, туйских, которых было больше ста.

Какая бы ни шла кампания: сев, молотба, взмет зяби, подписка на заем, поставки зерна, мяса, шерсти, сбор дикорастущих и т. д., — мы «повертывали» почти всех туйских коммунистов «в сторону успешного проведения кампаний». Мы посылали их в колхозы чрезвычайными уполномоченными. Они несли всю ответственность за сев, за поставку, за сбор грибов, клочки, за ликвидацию неграмотности... Перед тем как выехать на месяц или два в деревню, они «проходили инструктаж». Инструктаж был короткий, и суть его можно передать в пяти словах: «Со щитом или на щите». На моей памяти человек пятнадцать вернулись на щите. Правда, затем обком восстановил их в партии, но горя они хватили порядком! Так как все работники хотели вернуться со щитом, они, стараясь выполнить задание, лезли, что называется, на стену. Планировали, «расставляли» людей и лошадей в приказывали, кричали, отдавали бригадиров под суд, смещали, перемещали, работали за председателя, за кладовщиков, за старшего конюха, распорядились на полях, токах, в амбарах, кузницах... И уже ни председатель, ни бригадир, ни кладовщик не знали, каковы их права и обязанности, что можно им делать и чего нельзя. Все путалось, рвалось.

Посылали мы уполномоченными почти всех наших городских коммунистов, даже директора банка, даже пожарных Козочкина и Дымкина. Много раз ездил и я и однажды — было это лет шесть тому назад — чуть не попал под суд.

Во время сева, или уборки, или заготовок в городе оставалось лишь пять или шесть коммунистов, но и те «перестраивали» всю свою работу в сторону успешного проведения текущей кампании». Например при секретаре райкома Тутикове эти товарищи снаряжали на поля особые, или, как мы тогда говорили, «целевые», шарабаны. Скажем, заведующий отделом здравоохранения снарядил три медшарабана. В них сидели фельдшера, медицинские сестры, стояли ящики с лекарствами, марлей, бинтами... А шарабаны отдела народного образования назывались культкомбайнами: в них ехали баянисты с баянами, библиотечарши с книгами, учителя физики, географии, русского языка. Учителя должны были читать на полях лекции о происхождении жизни на земле, о городах, реках и морях. Были и товаропроводящие шарабаны, на которые потребительская кооперация грузила

ситцы, калоши, даже ведра, тазы и подносы, чтобы продвинуть все это в гущу колхозного производства, к самой борозде. Помнится, что на коопшарабанах, с которыми ездил сам заведующий потребкооперацией Игрушин, висел лозунг: «Не потребители для кооперации, а кооперация для потребителей».

В ту весну я еще не руководил земельным отделом, а заведывал нашей туйской сберегательной кассой. Случилось так, что ни меня, ни заведующего финансовым отделом товарища Матренова в колхозы не послали. Однако Матренов побаивался: не по оплошке ли технического секретаря райкома он не попал в список уполномоченных? А ехать ему в колхоз, понятно, не хотелось: измотаешься, и всех собак на тебя будут вешать, — кому это приятно?! И вот, чтобы уж твердо обезопасить себя от посылки в деревню, Матренов выдумал свой финшарабан и засуетился, захопотал, поднял шум. Он решил посадить в шарабан меня как заведующего сберкассой и нашего инкассатора Кочубея. Мы должны были проверить у колхозников облигации, давать справки о налогах, а если колхозники пожелают внести тут же, в борозде, свои сбережения в сберкассу, то пожалуйста: инкассатор этот вклад оформит и выдаст пахарю книжку.

Всячески уговаривал я Матренова не посылать шарабана: колхозники, говорил, выйдут на поля пахать и сеять, а облигации и сбережения оставляют дома. Матренов и слушать не хотел: дескать, ты не учишьвасшь принципиальной стороны дела, и кроме того вопрос уже согласован с товарищем Тутиковым, и завтра в газете будет напечатан график движения финшарабана.

Поехали мы на лошади, которую со скандалом взяли из пожарной команды. Так как и отдел народного образования и другие учреждения тоже взяли пожарных лошадей, то там, подле каланчи, остался только один жеребец.

Поехали. Жара стояла страшная, в шарабанах дышать нечем. Когда мы приближались к какому-нибудь производственному участку, все

колхозники бросали плужки, сеялки и бежали нам навстречу. Надо сказать, что наша колымага была изукрашена всякими плакатами и издали походила на товаропроводящий шарабан, с которым ездил Игрушин. Ну, увидев, что мы не торгуем ни калошами, ни маркетом, люди отходили.

Мыкались мы так дня три, и хотя инкассатор Кочубей — товарищ скромный, сдержанный, но и он восстал:

— Я, товарищ Лазов, все хочу припомнить и никак не могу, чтобы было такое указание, что сберкассу надо возить по борозде. И кроме того, товарищ Лазов, мы совершенно оголили пожарную часть, там один только жеребец остался, и если в Туйске будет пожар, на суде мы будем соответчиками.

На четвертый день нас остановил Степанов, второй секретарь обкома. Ездил он тогда по району и вот заехал к нам.

— В чем дело? Что это у вас за колесница?..

Докладываю: перевели, мол, сберкассу в самую гущу колхозного производства, непосредственно к борозде...

Тот даже рубаху расстегнул от удивления: — Да вы тут с ума все посходили, что ли?..

Но под суд попали не мы, а Матренов. Впрочем, судили его не за финшарабан (это ему сошло), а за то, что, будучи в колхозе «Маяк», засеял сорок гектаров неведомо чем.

Дело было так.

Когда мы уехали на финшарабанах, секретарь Тутиков увидел на улице Матренова:

— Почему ты не в колхозе?

И, не внимая никаким доводам, послал его в «Маяк». А там, в «Маяке», уже во время сева обнаружилась некоторая нехватка семян: на восемьсот гектаров семян есть, а на сорок не хватает. Что делать? Матренов туда, сюда — нигде семян нет. А Тутиков спросил по телефону:

— Как это ты, Матренов, допустил такой просчет? Ну, выкручивайся, как знаешь...

Матренов поехал на опытную станцию, угоривая директора отпустить из «опытных фондов хоть что-нибудь».

Директор сказал ему:

— Ничего у меня нет, кроме пяти мешков с каким-то гавайским цикорием. Заслали нам эти мешки еще лет пять назад. Заслали по ошибке.

Думать было некогда. Матренов взял под расписку мешки и поехал.

Колхозники, посмотрев на цикорий, усомнились:

— Вроде это и не цикорий. Цикория такого не бывает. Это, скорее всего, укроп. Но и на укроп не больно похоже.

Три недели на этих сорока гектарах ничего не всходило. А потом вылезли какие-то штопоры. Если бы они были подтверже, то ими можно было бы вытягивать из бутылок пробки.

Приехал агроном, подумал, сказал:

— Может быть, это особый вид кактусов, а может быть, какие-то субтропические цветы...

Вот каким был наш район. Вот как мы, бывало, руководили колхозами. И теперь, когда я слышу, что вот там-то и там-то еще существуют такие уполномоченные, думаю про себя: «Да когда же они за настоящую работу, наконец, возьмутся?..»

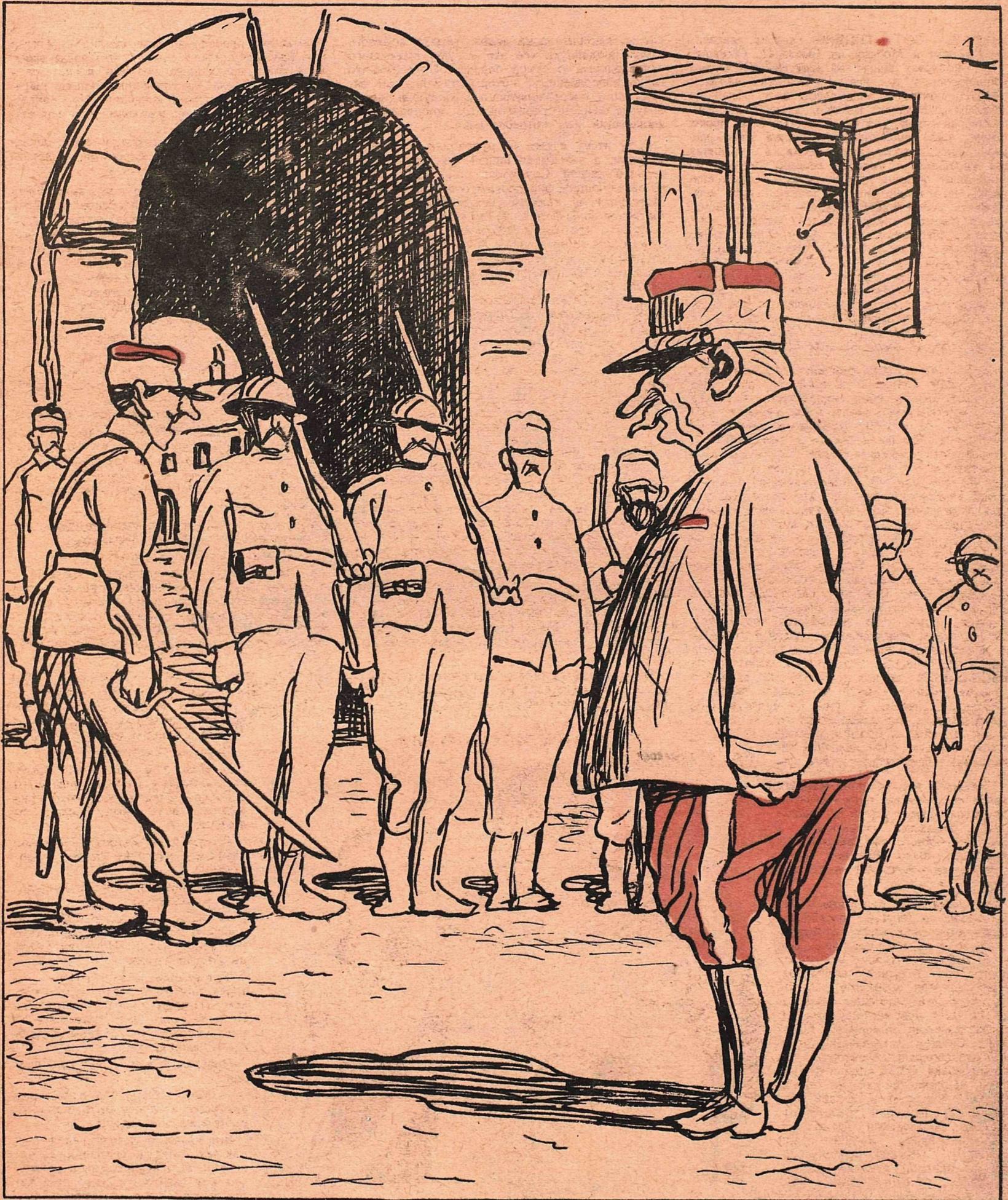
А. КОЛОСОВ

ОДНА ИЗ МНОГИХ

Рис. К. Елисеева

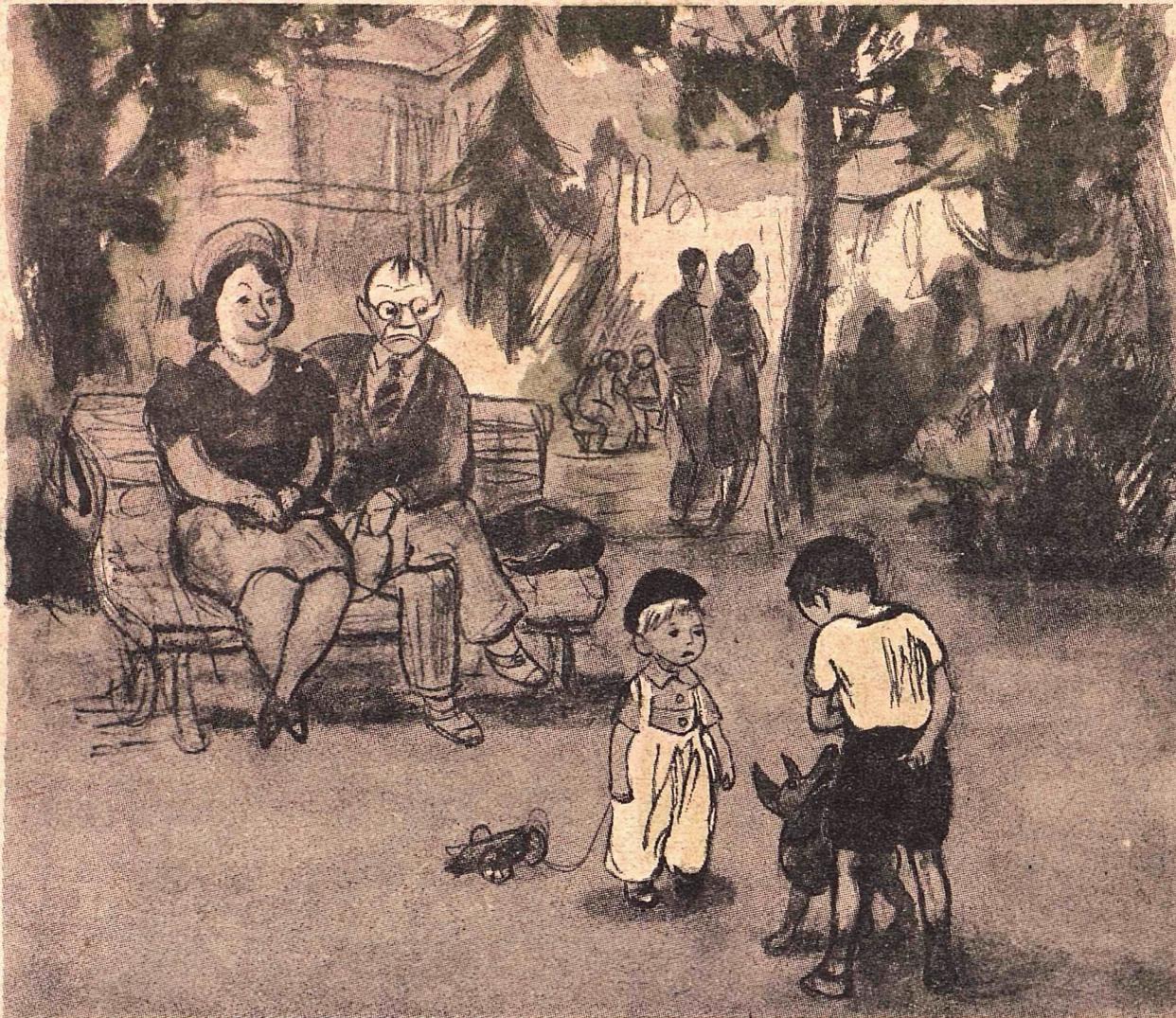

- Почему бутылку для масла не принес?
- Нету, мама.
- Как нет? Под столом стоят.
- Да там все десять бутылок с маслом.

— Равнение нале-во!
— Отставить, лейтенант! Только направо, только направо!

Рис. Л. Генча

— Как быстро портится характер у детей! Этот маленький — просто прелесть, а вон тот, восьмилетний, очень капризен: обязательно скоро потребует учебников, наглядных пособий и прочего.

Цельная натура

РЯДОМ со мною в зрительном зале кино, не торопясь, располагалась со всеми возможными удобствами гражданин самого обычного вида, одетый так, как одеваются средней руки служащие в жаркие летние дни: рубашка без воротника с тщательно налаженным клинообразным декольте, брюки, которые еще утром были белыми, и вялый поясик. Не слишком точно очерченный нос гражданина был оседлан пенсне с прямоугольными стеклами, а глаза — да простят мне читатели за банальность определения! — глаза были оловянные. Другого слова и не подберешь. Рядом с ним также хлопотливо опускалась в кресло, по всей видимости, спутница его жизни, гражданка уже немолодая и невеселая.

Весьма вероятно, что я забыл бы и внешность этой пары и самый факт их сосуществования рядом со мною на протяжении полутора часов сеанса, но как только началась картина, беседа этих двух людей по поводу того, что происходило на экране, оказалась настолько интересной, что я больше слушал моих соседей, чем смотрел фильм. А фильм был известного содержания: девушка и два поклонника; поклонник (типа блондин) — человек скромный, и другой поклонник (типа брюнет) его совсем забывает, но в конце концов девушка предпочитает скромного блондина блестящему брюнету. Все. Не надо быть крупным знатоком киноискусства,

чтобы предсказать почти все сюжетные ходы такого фильма.

Мои же соседи с самого начала обнаружили такие свойства: она не очень быстро сообразала, что к чему, и спрашивала мужа, а муж охотно объяснял... Но как он объяснял!

Началось с того, что когда наглый брюнет шептал на ухо девушке слова, смысл которых не оставлял никаких сомнений, соседка моя спросила:

— Это он про что ей объясняет, Пал Палыч?

Пал Палыч, зевнув, ответил:

— Мало о чем могут говорить... Почем, дескать, цены на квас...

Интонация и зевок показывали, что Пал Палыч не шутит.

Потом скромный блондин подошел к той же девушке с цветами в руках.

— А этому чего надо? — спросила жена.

— «Чего, чего!» Скажет ей, что она мерзавка, или еще что-нибудь.

— С цветами-то не ругаются...

— Много ты знаешь! Он ей сейчас как этими цветами по морде, по морде!

Ближайшие же кадры показали, что права жена: блондин цветами не дрался и мерзавкой девушку не называл. Несмотря, однако, на эту кардинальную ошибку жена не переставала спрашивать у мужа объяснений.

Когда соперники — блондин и брюнет, — блистая очами, удалились для решительной беседы, жена опять робко спросила:

— Это куда же они?

— Известно куда: выпить, закусить. Молодежь — что поделаешь...

Через несколько кадров на экране появился брюнет, который шел по улице и хмурил брови по случаю надвигавшихся событий.

Жена спросила:

— А это кто же идет?

— Доктор идет.

— Какой доктор?

— «Какой, какой!».. Обыкновенный доктор.

— Куда ж он идет? — спросила жена.

— Вызвали, вот и идет. Куда доктора ходят? К больным.

Тут на экране возник другой кадр: брюнет шагнул на этот раз прямо на зрителя. Надо отдать справедливость операторскому неумению: не сразу можно догадаться, что это идет все тот же молодой человек. Поэтому простительно, что жена опять задала вопрос

— А это кто же идет?

Муж ответил незамедлительно:

— Из милиции идут.

— А почему в штатском?

— Переоделся. В уголовном розыске часто переодеваются.

Между тем на экране разыгрывалась драма: девушка убедилась, что брюнет — плохой человек. Страдая от любви, она тем не менее указала ему на дверь. Режиссер в данном случае снял крупным планом указательный палец девушки.

— Это она куда ж тычет? — опять полюбопытствовала жена.

— Ну, показывает...

— Что показывает?

— Ах, ты, боже мой! Справку вообще дает: дескать, наискосок за углом...

Тут опять на экране появился брюнет, и жена спросила:

— А это кто?

— Так, один пенсионер. Старичок.

— А он откуда?

— Бог его знает. Может, сосед.

Изгнанный брюнет уезжал в другой город с чемоданом в руках. Жена осведомилась:

— Куда же он?

— Опять двадцать пять! Или не узнала? Это доктор, помнишь, он по улице шел? А сейчас инструменты в чемодан — и на практику.

В подъезде того дома, где живет девушка, появился торжествующий блондин.

— Смотри, Пал Палыч, еще кто-то. Кто же это будет?

— Никто. Так — прохожий.

Девушка трепетно ждала в своей комнате блондина. Раздался звонок.

— Кто ж это звонит? — искренно удивилась жена.

Муж опять зевнул и произнес на выдохе:

— Никто. Должно быть, дети балуются.

Кончалась картина поцелуем блондина с девушкой. Жена внимательно глядела, пока на экране был поцелуй, а потом спросила:

— С кем же она целуется?

Муж поднимался уже с места и ответил сварливо:

— Да тебе-то не все равно? Ну, целуются и целуются. Что, у нас хлеб дома есть или надо сейчас в булочную зайти?

— Есть, — отозвалась жена. — Какие-то беспонятные картины показывают.

— А чего тебе надо? Посмотрела — и ладно. Идем домой!..

Не скрою: некоторое время меня развлекало поведение этой милой пары в кино. Потом, вероятно, я забыл бы о существовании гражданина в прямоугольном пенсне и с оловянными глазами, но примерно через неделю после описанного выше киносеанса мне случилось попасть в одно учреждение. Я сидел в лишенной окон комнатке перед кабинетом заведующего и ждал своего черед. А из кабинета доносились до меня голоса как самого заведующего, так и посетителя, который был принят раньше меня...

— Видите ли, товарищ, — мягко журчал голос посетителя, — я прошу у вас разрешения сделать эту внутриквартирную перегородку на полтора метра сюда и на полтора туда...

— А окна? — произнес голос заведующего, показавшийся мне знакомым.

— Что — окна? — растерянно повторил посетитель.

— Окна на месте останутся?

— А куда же им деться? — совсем упавшим голосом заметил посетитель. — Имейте в виду, что стена, так сказать, не является несущей.

— За несущую отвечает застройщик.

— У нас дома райжилуправления.

— Тем более. Вы мне принесете справку насчет фундамента?

— При чем же здесь, я извиняюсь, фундамент, товарищ заведующий, когда речь идет о внутриквартирной перегородке?

— Ну, вот видите, я же говорю, без застройщика не обойтись.

— Да нет у нас застройщика.

— Найдите. Без этого я никак не могу.

Посетитель вроде как бы икнул, шурша поднялся и вышел. Я вошел в кабинет. За столом заведующего сидел мой сосед по киносеансу. Оловянные глаза, вписанные в прямоугольники пенсне, смотрели на меня с невыразимой бесчувственностью.

— По какому делу? — спросил заведующий.

Я хотел было ответить, но промолчал, только пожевал губами и, махнув рукой, вышел обратно. Кто меня осудит?

В. АРДОВ

«Бородатые малютки»

«Сталинградский железнодорожник», а с его легкой ручки и еще две газеты — «Вперед» и «За сталинский урожай» — рассказывают своим читателям:

«177-летний пассажир»

Среди пассажиров сталинградского вокзала 1 июня ожидал поезда 177-летний колхозник Демьян Ефимович Мазур.

Несмотря на свой преклонный возраст Демьян Ефимович выглядит бодро. Он возвращался домой со свадьбы внука.

Родившись в 1763 году, Демьян Ефимович был крепостным князя Шереметева. Когда последний проиграл в карты гетману Кочубею 40 семей, то в числе их передан был и Мазур со своим семейством.

177-летний Мазур был три раза женат, имел 27 детей. Сейчас у него имеется жена 77 лет и дочь 63 лет.

Демьян Ефимович живет в одном из колхозов Орджоникидзевского края. Работает в колхозе шорником. В 1939 году им было заработано около 500 трудодней.

Случай совершенно небывалый.

Вундеркинд-старичку стукнуло 100 лет, когда только что родилась его третья жена, а счастливым отцом своей самой юной (63-летней) дочурки он стал в 114 лет.

Кочубей, умерший в 1708 году, т. е. за 55 лет до рождения Мазура, специально воскрес, чтобы выиграть в карты этого будущего лауреата долголетия.

Для такого чрезвычайного события Кочубей даже превратился в гетмана (вероятно, Мазепу?), а граф Шереметев — в князя.

И только излишняя скромность заставила газету «Сталинградский железнодорожник» умолчать о том факте, что ее нынешний редактор самолично присутствовал при этом историческом карточном состязании графа с покойником. Он прилетел к Шереметеву на аэ-

роплане вместе со своим литсотрудником, известным рассказчиком бароном Мюнхгаузеном, тогдашним работником Мосстрады. А так как аэроплану не хватило дров на обратный путь, возвращаться пришлось на мамонтах, запряженных в трамвайный вагон-прицеп. Ехали медленно и от скуки наперебой вразли.

ИВ. ПРУТКОВ

«ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ»

Идея «вечного движения» наднях была изумительно близка к осуществлению. Вот как это случилось.

В Мострамвайтрест пришла 20 июля сего года телефонограмма Дзержинского телефонного узла с просьбой назначить день и час прекращения трамвайного движения по Останкинской линии на время «емки телефонного кабеля».

Телефонограмма попала к управляющему Мострамвайтреста тов. Химакову.

РЕЗОЛЮЦИЯ: «Тов. Блинову. Договоритесь». Телефонограмма у Блинова (начальника службы движения того же треста).

РЕЗОЛЮЦИЯ: «Тов. Томилину. Для исполнения».

Телефонограмма у Томилина (главного инженера службы пути).

Томилину посылает ее Овечников. Овечников — опять Томилину.

Томилину — Тихомирову. Тихомиров — Истратову.

А Истратов пишет резолюцию:

«Договоритесь с Блиновым».

Таким образом, телефонограмма, проделав замкнутый круг в течение каких-нибудь 25 дней (с 20 июня по 15 июля), была готова вернуться к Блинову и начать повторное циклическое движение.

Но... как-то случайно телефонограмма споткнулась о стол тов. Соколова, который никуда ее не послал, а взял и договорился в течение 10 минут с кем следовало.

БЫЛА БЕЗ РАДОСТИ ЛЮБОВЬ...

Рис. Б. Клинка

КИШИНЕВСКИЙ ФАБРИКАНТ. — Я к рабочим относился хорошо: не отпускал их от себя по 12—14 часов в день.

Рис. Б. Пророкова

— Что вы делаете для уменьшения брака?
— Выпускаем сервизы из девяти тарелок вместо двенадцати.

Рис. Д. Дубинского

ДРАМАТУРГ-БРАКОДЕЛ. — Не понимаю, почему ругают качество моей продукции? Ведь я же строго соблюдаю стандарт.

Рис. К. Елисеева

— Значит, вы выпускаете хорошие станки?
— Один лучше другого... Один из двух — бракованный.

УДИВИТЕЛЬНО!

ЖИЛ да был один очень удивительный человек. Удивительный он был потому, что, не имея никакого специального и даже общего образования, не имея никакого практического опыта, во что бы то ни стало хотел получить какую-нибудь ответственную техническую должность.

Ходил этот удивительный человек по заводам, фабрикам, учреждениям и везде получал отказ.

Знакомые этого удивительного человека в свою очередь удивлялись его нахальной настойчивости и говорили ему, что, мол, «понапрасну, Ваня, ходишь, понапрасну ножки бьешь». Не выйдет! Человека, который ничего не знает и не умеет, никто не возьмет на должность, где нужно что-то знать и уметь. Вот ночным сторожем или лифтером — это еще куда ни шло.

Но удивительный человек с этими разумными доводами не соглашался и продолжал «устраиваться». Представь себе, каково было удивление, когда через некоторое время он совершенно легко устроился на «Москабель», в отдел технического контроля, и стал контролировать качество очень ценной продукции!

Удивленные знакомые не поверили и побежали на «Москабель» посмотреть, правда ли это. А когда прибежали, увидели, что в отделе технического контроля из 88 человек только 11 понимают, что они делают, а остальные 77 вместе с нашим удивительным человеком понятия ни о чем не имеют. И все перестали удивляться, потому что раз на «Москабеле» такие контролеры, то нет ничего удивительного, что там происходят такие удивительные безобразия.

СКАЗКА О КУПЦЕ И ДУХЕ

ШАХРАЗАДА сказала:

— Был на свете один купец, и был он очень богат и вел большие дела. И назывался этот купец Главтекстильбыт. Однажды он выехал и отправился в какой-то город искать новые сорта тканей.

И встретился ему в пути дух высокого роста с мечом в руках. И сказал ему дух:

— Я убью тебя, как ты убил мою дочь!

— Когда же я убил твою дочь? — поразился купец.

И дух ответил:
— Купил я в подарок ей ситцу 1-й ситценобиновой фабрики и сшил ей платье. И пошла она гулять в нем, и все показывали на нее пальцами и смеялись. И умерла она от огорчения и стыда.

Купец заплакал и воскликнул:
— Поистине, все мы принадлежим Аллаху! Знай, о дух, что на мне лежат небольшие долги. Позволь мне отправиться домой. Я отдам каждому, кому следует, и возвращусь к тебе в начале года, и, кланусь Аллахом, ты сделаешь со мной тогда, что захочешь.

И дух заручился его клятвой и отпустил домой.

И купец вернулся в свои земли, уведомил свою жену и детей, составил завещание, совершил омовение и начал кончать свои дела. Но тут выяснилось, что долгов у него больше, чем он думал. День и ночь к нему шли люди разного звания и разных

О Т

возрастов, требуя возместить убыток за купленные у него негодные ткани.

И заплакал тогда еще раз купец. Но сжалился над ним добрый дядюшка, заместитель наркома торговли Шахров, и объявил он вместе с управляющим областной базой Главтекстильбыта Брашуком, что нет больше бракованных тканей, а есть только сортовая продукция и обязаны в лавках продавать ее наравне с лучшими сортами.

Перестал после этого купец выслушивать все жалобы на плохое качество тканей и...

— А потребитель как же? — спросил великий визирь.

— Потребитель, что ж... — хотел ответить Шахразада, но тут настал рассвет, и она умолкла.

РЕКЛАМАЦИЯ КЛИНСКОМУ ЧУГУНОЛИТЕЙНОМУ ЗАВОДУ

Получены от клинского завода Мотыги для прополки огорода. Любая из мотыг немедля гнется. Директор же совсем наоборот: Не гнется сам, но линию он гнет. Он бракоделом был и остается.

ОДИННАДЦАТЬ КАБЛУКОВ

(Одноактная шутка)

Комната Пети и Вари. Петя ждет Варю. Входит Варя.

Петя (радостно). Варя!
Варя (сурово). Петя. (Вынимает из сумки дамский каблук.) Что это такое?

Петя (вздрагивает). Это? Кажется каблук... (Бледнеет.) Боже, еще один! Еще. (Считает.) Пятый... Восьмой... Одиннадцатый.

Варя (подходит вплотную к Пете). Я поняла все. Это не мой каблук. Это чужие каблуки. Ты поддел!

Петя (с мольбой). Варя, помни! ехал на прошлой неделе в переполненном трамвае...

Варя (с усмешкой). В трамвае Придумай что-нибудь более правдоподобное.

Петя. Я хотел сделать тебе подарок. Ты ведь завтра именинница.

Варя (про себя). Кажется, он говорит искренно.

Петя. Я купил тебе туфли. И трамвае, понимаешь, была давка. Каблук отлетел. На следующий день вернулся в магазин, переменил туфли. На этот раз поехал в троллейбусе занял место матери и ребенка. Рабочичка дома коробку, и — что скажешь! — каблуки опять не на месте. В третий раз взял такси. Всю дорогу берег туфли, как зеницу ока, боясь дунуть на них. Но возле нашего дома есть выбоина, машина подскочила, и каблук был готов. В отчаянии я заказал специальную упаковку для особо хрупких товаров — опилки стружки. Ничего не помогало. Что только ни делал, чтобы довести дом невредимыми туфли: подвешивал на веревочке, ходил пешком, — и в результате... (Вынимает из ящика туфли без каблуков.)

Варя (все еще недоверчиво). Кажется, мой номер.

Петя. Ну, да. Мне чертовски везло. Все время в магазине были туфли только фабрики «Буревестник»

(Занавес медленно опускается.)

Какое качество?

НЕОБЫЧАЙНОЕ ОТКРЫТИЕ

— СЛУШАЕТСЯ дело № 551.—
объявил судья.— Ответчик
явился?

К столу подошел человек средних
лет с большим свертком в руках.

— Вы директор предприятия?—
спросил судья.

— Директор.

— Что вы изготавливаете?

— Мы? Эти... как их... ну, черненькие...
кругленькие... которые крутят-
ся... Еще у них дырочки посередине.

— Нельзя ли поточнее?

— Вот горе ты мое! То знал, а то
забыл... Я их всех по именам знаю.
Саша, Маша, Андрюша, а есть еще
Люба-Любочка.

— Вот что, ответчик. По данным
дела, ваши черненькие, кругленькие
называются пластинками. Патефонны-
ми пластинками.

— Не может быть!

— Значит, вы утверждаете, что не
знаете, какого рода изделия выпускает
ваше предприятие?

— Отчего же не знаем?— обиделся
ответчик.— Это есть продукция, мы
ее и выпускаем. А чего она там, как
называется, это в преискуранте обо-
значено. Закона мы не нарушаем:
стандарт выдерживаем — Маша, Саша,
Андрюша, Люба-Любочка.

— Ассортимент у вас действительно
стандартный. Кстати, как вы их от-
личаете друг от друга?

— Обыкновенно: по этикеткам. Си-
ние — значит, Саша; красные — Маша;
зеленые — Андрюша.

— Дело в том, что все эти Саша и
Маша никуда не годятся. Вы выпуска-
ете брак. Истец — Центральный уни-
вермаг — уплатил вашему заводу грам-
мофонных пластинок 53 тысячи руб-
лей, а получил брак.

— Какой же в нашем деле может
быть брак? У нас в Ногинске сроду бра-
ка не бывало. Это у других брак может
быть. Ну, ежели б мы выпускали
спички, ботинки, машины какие-ни-
будь, а у нас — что? Вот, не угодно
ли? — и ответчик стал разворачивать
сверток. — Глядите. Круглые? Круглые.
Блестят? Блестят. Дырочка посереди-
не есть? Есть. Все в порядке. Про-
дукция на высоте.

— Но, кроме всего этого, пластин-
ки должны воспроизводить звуки.
Должны играть, а они как раз для
этого непригодны. Ваш Ногинский за-
вод продал Центральному универмагу
100 тысяч пластинок, а они бракован-
ные. Не играют. А должны играть.

— Говорите: играть должны?

— Конечно, играть. А для чего же
еще они нужны?

— Играть! Вот это мы как раз и не
пробовали. Играть... Это, гражданин
судья, мысль! Обязательно обсудим
на производственном совещании. Да-
дим задание изобретателям! А то я
сам давно уже приглядываюсь к этим
штучкам: для чего, думаю, они? Ока-
зывается, играть должны! А то — Са-
ша, Маша, Андрюша, а к чему, — не-
известно.

И, обрадованный неожиданным от-
крытием, директор завода граммафон-
ных пластинок покинул зал заседа-
ния, повергнув в изумление всех при-
сутствовавших.

ЭХ, ТАЧАНКА, ТЫ, ТАЧАНКА!

ТАЧАНКА! Кто может забыть те-
бя, овеянную славой героических дней
гражданской войны, воспетую в пес-
нях, увековеченную кистью художни-
ка, вдохновенного героической те-
мой!

И даже работники табачной фабри-
ки имени Клары Цеткин несмотря на
жуткую загруженность помнят тебя и
в меру своих скромных возможностей
постарались увековечить память о те-
бе, назвав твоим именем папиросы
первого сорта.

Что ж, начинание хорошее! Как го-
ворится, честь и слава! «Тачанка»,
так «Тачанка». Что в имени твоём?
Покурим — посмотрим.

Но при всем желании насладиться
папиросой «Тачанка» тебе, курильщик,
это не удастся. При первой же за-
тяжке ты закашляешься, слезы поте-
кут из глаз и у тебя надолго пропа-
дет охота «побаловаться табачком».

И действительно, нельзя же в самом
деле курить вместо табака какой-то
утиль из пыли, которым начинены
папиросы «Тачанка».

«Тачанка», «Тачанка», кто может за-
быть тебя, раз вкисивши!

ВСЕ ХОРОШО, ЧТО ХОРОШО КОНЧАЕТСЯ

Стояли, гордясь собой, во главе
Двух трестов немало лет
Товарищ Р. и товарищ В.,
Блондин и жгучий брюнет.

И были планы их высоки,
Был каждый незаменим:
Товарищ Р. выпускал станки,
Другой же — детали к ним.

На одном из заводов СССР
Всегда, если верить молве,
Встречался станок товарища Р.
С деталью товарища В.

Но у встречи этой, как нам ни жаль,
Всегда был один итог:
Сначала с треском ломалась деталь,
Потом ломался станок.

И, сдвинув брови, от гнева сер,
Не пряча злобной тоски,
Ругал детали товарищ Р.:
Они, мол, губят станки!

Но, вышив узор по той же канве,
Решителен, прям и суров,
Станки поносил товарищ В.:
— Деталю смерть от станков!

Но — увы! — наступили горькие дни.
Светильник славы погас.
На скамье несудимых оба они
Встретились в первый раз.

И приговор вынесли им двоим.
И теперь, свободно дыша,
Станки выпускает товарищ И.,
Детали — товарищ Ш.

Станок, как дочкам, деталям рад,
И рады детали станкам.
И встречи их уже не сулит
Несчастья ни им, ни нам.

Доволен И., не волнуется Ш.,
Конфликт нет и следа.
«И жить хорошо, и жизнь хороша»,
О чем мы знали всегда.

Рис. Е. Ведерникова

— Почему не подымаетесь выше? Горы боитесь?
— Не горы, а каната: он производства моего завода.

Рис. В. Горяева

— Сколько времени по этим часам?
— От пяти до восьми лет с гарантией.

Рис. И. Семенова

МЕБЕЛЬ НА ДОМ
НЕ ДОСТАВЛЯЕМ!

— На ваших стульях сидеть нельзя.
— Не скажите. Наш директор, например, сел
на пять лет.

Рис. И. Семенова

— Сейчас у вас мертвый час?
— Нет, просто помираем от скуки.

Ф Л Ю С

В ЖИЗНИ человека бывают обстоятельства, когда ему обязательно нужно перелезть через забор.

Федяев совершил это мероприятие с необычайной легкостью. Забор был дощатый, гладкий, ровный, как говорится, без сучка и задоринки.

Но Федяев мячиком подскочил, легко рукой ухватился за верх и в одно мгновение перемахнул на ту сторону. Это было сделано так ловко и красиво, что Гузиков крикнул от удовольствия.

Во избежание сплетен и кривотолков автор этих строк вынужден сделать следующее официальное разъяснение:

1) действие происходит не темной, безлунной ночью, а среди бела дня, в ясную погоду;

2) по ту сторону забора не было ни одного фруктового дерева. А посему могущее возникнуть подозрение в том, что Федяев и Гузиков полезли в чужой сад за яблоками или сливами, полностью отпадает;

3) по ту сторону забора не было ни одного человека. Тем самым целиком отвергается и романтическая версия этой истории.

Федяев и Гузиков, два молодых человека, только сегодня утром познакомились в доме отдыха. Федяев тут же подбил Гузикова совершить с ним путешествие по далеким окрестностям города.

Гузиков долго отказывался: он не привык к длительному пешему хождению.

Но Федяев был напорист и красноречив. Ему удалось уговорить своего нового знакомого. И они пошли.

И вот за основным бором они наткнулись на забор. Кто поставил здесь забор, для какой такой надобности? Выяснить этот вопрос мы не успели.

Но факт остается фактом, а забор — забором. Стоит забор. Обойти его — целая канитель, тем более что левый край этого сооружения упирается в топкое болото.

Итак, мы имеем два факта: забор и болото. Что делать?

Самое верное дело — перемахнуть через один из фактов и пойти дальше.

Итак, мы уже знаем, как поступил Федяев. Известно нам также, что Гузиков крикнул от удовольствия.

Крякать от удовольствия всякий умеет, но не всякий может... Сейчас увидите.

Гузиков тоже решил подскочить мячиком вверх. Он это и сделал, но сразу тяжелой гирей шлепнулся на земь.

Наконец, после долгих упражнений ему удалось исцарапать обе руки и поймать верх-

нюю доску забора. Однако ноги Гузикова совершенно не помогли рукам Гузикова, повалившим в беду. Со стороны можно было подумать, что Гузиков повесил на забор сушить свои белые штаны.

Пришел на помощь Федяев. Он влез на забор, схватил Гузикова за ворот рубашки и помог ему (не одному вороту, но и всему Гузикову) очутиться на заборе.

— Прыгайте! — кричит ему Федяев. — Прыгайте скорей вниз!

Надо откровенно сказать, Гузиков — не мастер прыгать. Но на сей раз другого выхода не было. Он зажмурил глаза и пошел на посадку. Приземление прошло более или менее удовлетворительно, если не считать того, что испугу Гузиков потерял минуты на три дар речи.

Очувавшись, он сказал: — Хорошо погуляли. Я получил большое удовольствие. Надо возвращаться обратно.

— Можно, — спокойно ответил Федяев. — Дуем обратно через забор. Теперь вы уж малость привыкли.

— А другой дороги нет?

— Есть. Обойдем ложбину, выйдем к той березовой роще, а оттуда и домой. Пошли?

— Легко сказать: обойдем, выйдем. Нет, я должен отдохнуть.

Федяев смотрел на Гузикова и удивлялся: парень, кажется, здоровый, загорелый, молодой, откуда у него такая нежная натура?

— Чем занимаетесь, Гузиков?

— Счетовод-калькулятор.

— Зимой на коньках катаетесь?

— Нет, это мне здоровье не позволяет.

Греблей занимаюсь. Говорят, неплохо гребу. А другим спортом не интересуюсь. Пробовал однажды в тире упражняться, но плохо выходит, и бросил. Это очень трудно, попасть в цель. Терпение нужно большое. Да и к чему мне стрелять? Я в гребле совершенствуюсь. Это моя специальность. Вот посмотрели бы, как я на скифе орудою...

К вечеру они вернулись в дом отдыха. Гузиков, не раздеваясь, повалился в постель и, обессиленный, заснул.

Прошло два дня. На третий день, рано утром, старик Зосим, сторож дома отдыха, пошел на речку окуней удить. И вдруг видит: человек тонет, а возле него на волнах барахтается лодчонка, маленькая рыбацья лодчонка.

Зосим поднял тревогу. Все обитатели дома отдыха побежали спасать утопающего. Но уже было поздно.

Ватага мокрых пионеров тащила из кладных волн бездыханное тело утопленника.

Пионеры купались у берега и видели, как перевернулась лодка. Они кинулись к месту происшествия и вытащили из воды захлебнув-

шегося человека. Но он еще — честное пионерское — дышит.

Читателю нетрудно догадаться, что это был Гузиков.

Через день Гузиков был уже на ногах и чувствовал себя превосходно.

— Как это с вами случилось? — спросил его Федяев. — Ведь вы свалились, что умеете грести.

— И ничуть не врал. Я же вам говорил, что я специалист по академической гребле, но не на этой проклятой лодке... А тут еще одно весло сломалось.

— Неужели вы действительно мастер по гребле? Извините меня, но что-то не верится.

Гузиков молча полез под подушку, вынул оттуда портфель и рассыпал на постели ворох газетных вырезок и бумажек с печатями.

Федяев читал и диву давался: оказывается, его новый знакомый — рекордсмен по гребле, победитель на всесоюзных состязаниях, мастер первого класса.

Федяев читал, диву давался и думал:

«Еще Козьма Прутков говорил, что специалист подобен философу и полнота его одностороння. Этот вот Гузиков — настоящий философ. Кому нужны его цирковые трюки на скифе, его изумительные рекорды, когда во всем остальном он слабее мухи? Конечно, приятно побить рекорд. И, может, это и нужно. Но слишком узкая специальность большого добра не сулит...»

Федяев читал и диву давался. А вместе с ним удивляемся и мы с вами, читатель.

Г. РЫКЛИН

Современная баллада

Прочитал заметку я в газете — В ней описан случай небывалый... Девушку однажды на приметел Замел какой-то бойкий малый.

Раньше бриться парню скучно было, А теперь стал бриться ежедневно, Потому что парня лично брила Грез его любовных королевна.

Бритва щеки трепетно ласкала, Пахло мылом, пудрой и шампунью, И одеколоном освежала Парня парикмахерша-шалунья.

Брила, брила, только не отбрила, Не отвергла пылких комплиментов, А вполне взаимно полюбила Своего пригожего клиента.

Но увы! Одним одеколоном — Пусть хоть и цветочным — жизнь не пахнет. Время мчится, мчится неуклонно, И любовь пылающая чахнет.

И однажды, пышной мыльной пеной Покрывая бороду любовно, Объявила девушка блаженно, Что отцом он будет безусловно.

И, услышав исповедь такую, Парень, не терпевший женских бредней, Объявил, что любит он другую — Продавщицу булочной соседней.

На секунду бритва задрожала, Будто сразу сделалась тупее, А потом покорно побежала, Заскользила бритва прямо к шее.

Ревность кровь в груди ее взбурлила, Замутила гневом и тоскою, И... чуть слышно девушка спросила По привычке: «Вас не беспокоит?»

И ушел он, бритый, освеженный, Без раздумья и без колебанья, Брошенной любимой снаряженный, На другое, новое свиданье!

Потеряла девушка клиента, Стал он снова бриться очень редко. А в газете лишь об алиментах Появилась скромная заметка.

Ал. РОХОВИЧ

ТЯЖЕЛОЕ РАЗДУМЬЕ

Рис. Кукрыниксы

КУКРЫНИКСЫ 40.

— Что выгоднее: осушить эту лужу или построить водоем?

— Гражданин, проходите скорей. Не задерживайте себя и других.
— А мне некуда торопиться. Я командировочный.

Живые люди

Писатель Эраст Иванович Шаталов собирался на дачу. Его машина, на которой он обычно ездил, оказалась неисправной. Приходилось ехать поездом. Эраст Иванович недовольно поморщился. «...А может быть, это и к лучшему,— подумал он.— Меня ругают за то, что я не знаю жизнь, живых людей. Представляется случай узнать».

Шаталов ухватился за эту мысль. Забыв об огорчении, он отправился на вокзал. Через час Эраст Иванович уже ехал в поезде, с любопытством осматривая публику. Его внимание привлек молодой человек, сидящий напротив, с книгами в руках.

Они разговорились. Молодой человек оказался разговорчивым собеседником. Эраст Иванович узнал, что он механик.

— Вы, наверное, много читаете?— спросил Шаталов, показывая на книгу.

— Да как вам сказать! Больше по специальности.

— Но и художественную литературу читаете?

— Приходится.

— Небось, Толстого, Тургенева, Гоголя?

— Да, да, конечно.

— А это что у вас за книги?— спросил Шаталов, указывая на книгу в руках.

Молодой человек взял первую книгу.

— Это Шолохов «Тихий Дон». Вы, конечно, читали?

Шаталов смутился:

— Говоря откровенно, не успел.

Молодой человек удивленно посмотрел на Шаталова.

— Не успели? Странно!

Он взял вторую книгу:

— А это «Цусима» Новикова-Прибой. Читали?

— Не читал,— с раздражением ответил он.

Молодой человек вынул книгу в темном переплете. Шаталов сразу узнал свой роман «Звенят бубенчики».

— Может быть, это читали?

— Да, да!— радостно прошептал Шаталов.— Это читаю.

— Ну, вот,— с сожалением проговорил молодой человек.— Всякую ерунду читаете, а для настоящих писателей у вас нет времени.

Шаталов умолк. С этого дня у него окончательно пропал интерес к живым людям.

Г. КУЗЧЕНКО

Короткие рассказы

НЕРАВНЫЙ БРАК

На работе контролер Петр Ильич был предобродушнейшим созданием. Когда к нему попадала бракованная вещь, Петр Ильич морщился, потом хлопал бракодела по плечу и говорил:

— Эх, брат! Запорол, в общем, деталь. Ну, ладно— пропущу.

И ставил штамп «ПИМ», что означало «Петр Ильич Мишкин».

Дома за обедом, заткнув за ворот салфетку, строго поглядев на жену, говорил:

— Давай суп. Быстрее.

Проглотив две— три ложки, начинал кричать:

— Пересолила, переварила, испортила только мясо! Чай тебе варить, а не суп!

Сорвав салфетку, тыкал пальцем в вышитую метку «МИМ» (что означало «Марфа Ивановна Мишкина») и ворчал:

— МИМ! Позоришь бракоделством мою фамилию Мишкина. Да, да, да!

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

С обедом было мучение. Не хватало столов. Во время обеденного перерыва возле каждого стола очередь поторапливала обедающих:

— Ну, Иван Степанович, побыстрее! Подумай, что зубы вставные. А если вставные, так не надо бифштексы брать, а и кашки достаточно... Товарищи, совесть надо иметь, поторапливайтесь! Вообразите, что на вокзале и вот поезд уйдет. Товарищ Марков, разрешите и я вам на щи подую: в два рта они скорее остынут!

Директор и месткомовцы в поисках выхода бродили по учреждению. Директор заглянул в бухгалтерию— там стояли десятки столов, во много раз больше чем в столовой.

— А знаете что,— осенило директора,— сюда столовую, а бухгалтерию в столовую. Да заодно и штаты урежем, чтоб они на тех столовых столах уместились!

И с тех пор дело пошло на лад.

КОНЕЦ СИНЕЙ БОРОДЫ

Сценарист Суховой мучился.

— Прекрасная темка для цветного кино «Синья борода», но конец, конец не наш!— бормотал Суховой.

Он думал. Потом вдруг перо его забегало по бумаге. Суховой писал:

«Чтобы заполучить седьмую жену, Синья борода решил перекрасить бороду: «Тогда никто не узнает, что я Синья борода».

Синья борода пошел в «Химическую чистку и окраску». Постоял в очереди. Его спросили:

— Вам чего, папаша?

— Перекрасить бороду.

— Можно. Красим только в один цвет, зеленый.

— А другие? Мне бы в оранжевый.

— Папаша, не задерживайте. Будете перекрашиваться?

— Ладно.

— Деньги вперед и зайдите через две недели.

Заплатил. Ушел. Письменно сообщил невесте, что у него не синья, а зеленая борода.

Дважды приходил через две и две недели. Наконец перекрасили.

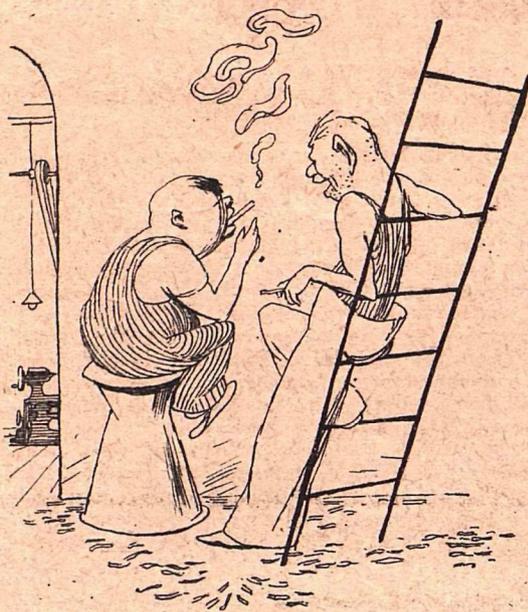
— А крепко краска сидеть будет?

— За качество не ручаемся. Держись больше в тени, под дождь не суйся, старик!

Явился к невесте. Объяснился, обнял. Невеста от радости заплакала, слезы угодили на зеленую бороду и сразу смыли без остатка краску.

И здесь был конец Синей бороде».

В. ТОБОЛЯКОВ

Прогул без отрыва от производства.

Квартира № 63

НЕСОМНЕННО, это была самая склочная квартира во всем большом шестизэтажном здании. И когда Верочка приехала в Москву, тетка ее (она уезжала на Дальний Восток и оставляла Вере комнату) предупредила: — Придется тебе горя хлебнуть. Наша квартира по всему району славится.

Наутро тетка уехала. И Вера осталась в пустой комнате. Но она мало бывала дома. Она хотела сделаться актрисой и бегала по городу, устраиваясь в студию. Потом ее приняли, и она стала возвращаться домой поздно вечером.

Так что она просто не замечала того, что делается в квартире.

Но раз она увидела в коридоре: прижавшись к нише стенового шкафа и прикрывая рукой лампочку, сидит маленький лысый человек с удивительной формы коническим чепцом и читает.

Вера пошла было дальше, но заметила, что в сумерках коридора кто-то крадется. Вера вначале испугалась. А потом, когда страх прошел, увидела: это художник Елкин, и в руках у него ножницы. Художник подкрался к шкафу и перерезал провод, освещавший книгу лысого человечка.

— Чирк, чирк, и готово! — сказал он шипящим голосом и иррационально добавил: — Нечего коммунальный свет жечь.

Лысый человек вздохнул и покорно пошел к себе. Он был очень робок. Раньше он преподавал латинский язык в гимназии. Его в квартире так и звали: латинянин. Он жил в маленькой комнатке при кухне. А жена его страдала мигренью, так что ночью он шел в коридор читать. Он читал Гомера в подлиннике, шевеля губами. Лицо его делалось то грозным, то нежным. Вера потом часто слышала это невнятное ночное бормотание. Он читал, забывая все на свете, пока не подкрадывался Елкин с ножницами.

Тогда он возвращался к себе. И ему еще долго мерещились боги, благородные или коварные, море, залитое энойным греческим солнцем.

Елкину шел отроду всего двадцать пятый или двадцать шестой год. Но он всегда говорил:

— Теперь что? Вот в наше время!

Когда-то «в наше время», то есть пять лет тому назад, один очень близорукий художественный критик по ошибке надел очки своей очень дальновзоркой жены. И вот он пришел на выставку, взглянул на картину Елкина, приобрел ее благодаря такому способу рассмот-

рения сказочные очертания, и пробормотал: «Тут что-то есть».

Кроме латинянина Елкин не любил еще Нину Львовну и гражданку Грезослезову, служащую в «Скорой помощи».

Нина Львовна была бухгалтером и страстным кулинаром. Она отлично умела делать гусиную шейку с гречневой кашей. Но, делая гусиную шейку с гречневой кашей, занимала в порыве вдохновения вместо полагавшихся двух конфорок три, чем вызывала злобу соседей.

И когда Нина Львовна на мгновение выходила, Грезослезова тушила газ в одной из конфорок. А гусиная шейка, чтобы расцвести во всем блеске аромата и сочности, нуждается, как говорят доменщики, в непрерывности кампании. Потушить газ — значит нанести непоправимый ущерб производству кулинарного искусства.

И, возвратившись на кухню, Нина Львовна, конечно, открыто выражала свои чувства. Верочка иногда слышала ее голос и думала: «Так кричать из-за какой-то гусиной шейки! Какая дикая квартира!»

А Грезослезова отступала в коридор. Характер этой, впрочем, вполне достойной дамы от частого столкновения с несчастными случаями приобрел, если можно так сказать, могильный оттенок. Она с чувством читала стихи Надсона:

«Я вновь один, и вновь кругом
Все та же ночь и мрак унылый.
И я в раздумьи роковым
Стою над свежеею могилой».

Она очень любила рассказывать скорбным голосом несчастные случаи, которых знала тысячи. Художник Елкин злобно косил глазами, уходил к себе и, будучи суеверным, крестился.

Вот такая это была квартира № 63.

Однажды Вера простудилась и слегла. Некоторое время к ней никто не ходил. Потом заявила член студийного месткома Мырлова. Она принесла два яблока и долго говорила, что вот у других легкие нагрузки, а ей всегда подсовывают самую противную работу. Изволь ходить по больным, того и гляди, подцепишь заразу и преждевременно скончаешься.

Мырлова ушла, и в студии о Вере забыли. О ней вообще забыли. Только Елкин, человек очень мнительный, вызвал врача. И врач сказал, что Вере нужно будет лежать, может быть, даже целый год.

На другой день утром произошло еще одно необычайное происшествие. Войдя на кухню, Нина Львовна увидела: на газовой печи стояла сковородка. Невдалеке лежала развернутая поваренная книга и рядом миска с тестом. Латинянин, близоруко наклонился над книгой, потом выпрямился и лил ложку жидкого теста на сковородку.

Раздавалось шипение, и белая масса растекалась в кипящем масле. Через несколько секунд выяснилось, что блин не желает переворачиваться. От прикосновения ножа он рвался на части. Нина Львовна, возмущившись посрамлением кулинарии, вмешалась в дело. Она оттолкнула латинянина, который что-то бормотал насчет правильности рецептуры, прибавила муки, яйцо, каких-то специй — и скоро горка розовых оладий лежала на тарелке.

— Вот, — сказала Нина Львовна и сурово удалилась.

Она удалилась, но ей мучительно хотелось увидеть, как будет этот человек есть бесподобные оладьи. И она не могла с собой справиться. Она вышла на кухню и постучалась к латинянину. Но тот не отвечал.

Вдруг открылась дверь вериной комнаты и показалось лицо латинянина. Тогда Нина Львовна вошла к Вере. Девушка сидела на кровати и ела.

Этим происшествием начался, как говорят, новый этап в жизни квартиры № 63. Трудно сказать, как это случилось, но на кухне говорили о Верочке, думали о ней, спорили о ее дальнейшей судьбе.

Надо было решить, что будет делать Вера дальше, раз она не может ходить в студию,

— Петь! — решительно сказала Нина Львовна. — Она будет петь. Вы послушайте, какой у нее голос, — добавила она и сурово осмотрела присутствующих.

Никто не спорил.

Нина Львовна пошла к известному профессору-вокалисту, Александру Петровичу Вительсу, обитавшему на третьем этаже того же дома.

— Вздор! Вздор! — сказал профессор. — Я загружен, у меня кафедра, ученики, вундеркинды, общественные нагрузки, семейные обязанности. Вздор, вздор!

Но явилась Грезослезова и два часа рассказывала печальные истории из жизни. Профессор почувствовал брэнность существования, ему захотелось озарить конец жизни хорошим делом, и он пошел в квартиру № 63.

И Верочка начала учиться петь. У нее был, действительно, удивительно приятный голос. И она делала громадные успехи.

А потом раз в квартиру влетел запыхавшийся молодой человек.

— Моя фамилия Тяткин, — сказал он. — Михаил Тяткин. Я из радиокомитета.

Пришел и договорился о концерте молодого дарования. Концерт был назначен в 6 часов вечера 8 июля. В 4 часа 30 минут 8 июля Нина Львовна, закончив работу, пошла в магазин, купила бутылку шампанского и стала в очередь к автобусу.

Автобуса не было.

В 5 часов 20 минут прошла одна машина, но даже не остановилась. В 5 часов 40 минут в страшном волнении, размахивая бутылкой, Нина Львовна бежала по Садовой. В 5 часов 50 минут стало ясно, что она опаздывает. В 5 часов 55 минут Нина Львовна ворвалась в первую попавшуюся парадную и истерически позвонила. Двери открыл бледный человек в подтяжках с рейсфедером в руках.

— Радио есть? — спросила Нина Львовна.

— Есть, — растерянно ответил человек в подтяжках.

— Ведите!.. — задыхаясь, сказала Нина Львовна.

— То есть...

— Никаких «то есть», — Нина Львовна решительно проникла через полуоткрытую дверь и воткнула вилку в штепсель.

И из репродуктора «Рекорд» зазвенел чудесный серебристый голос.

И когда окончилось пение, послышался бас диктора:

— Мы должны рассказать историю молодой певицы, которая сегодня впервые выступила у микрофона.

И диктор прочел то, что написано выше. — Это про нас, — сказала Нина Львовна. — Вы слышите? Ну что ж, давайте выпьем.

Она открутила проволоку, пробка вылетела, и в стаканы полилось шампанское.

— За нашу квартиру, — сказала Нина Львовна.

— Хорошо, давайте выпьем за вашу квартиру, — согласился человек в подтяжках.

А. ШАРОВ

ВЕЧНО «ЮНЫЕ»

Среди многих слов, упорно не поддающихся правильному произношению дикторами Радиокомитета, особенно бросается в уши слово «юный». Почему-то дикторы удваивают «н» и произносят «юнний». Болезнь, повидимому, заразная, так как 25 июля и артистка Пурьянская пела так:

«Ночи луной,
Девы юной», —

причем, вероятно, для некоторой оригинальности вдобавок выкинула одно «н» из слова «луной».

Спешим также поставить в известность диктора Отясову, что во всех случаях, когда ей подвергается в тексте слово «уже», — его и надо произносить «уже», не укорачивая в «уж». Одно дело —

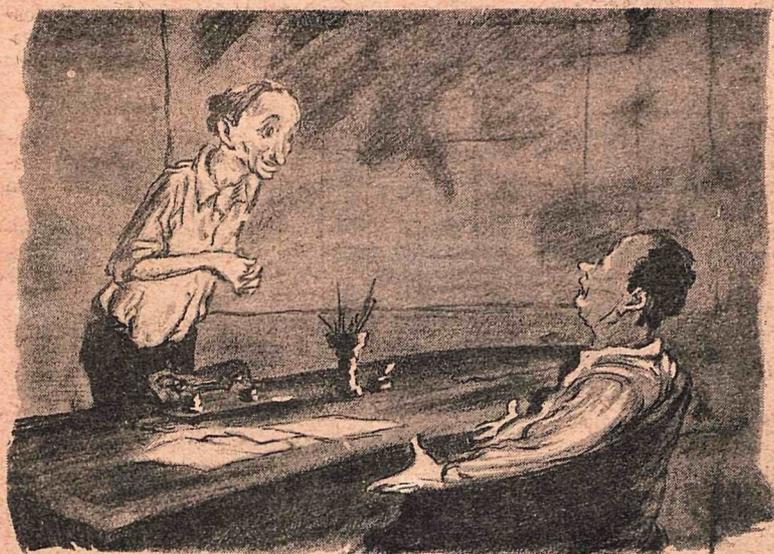
«Уж небо осенью дышало,
и совсем другое —
«Уж перевыполнен на 50%».

НЕ ШЕЙ ТЫ МНЕ, МАТУШКА,
РАДИ БОГА, САРАФАН!

Наконец-то найдено радикальное средство для ликвидации хулиганства. Найдено в Астрахани. В железнодорожном саду. В том самом саду, которым руководит до сих пор малоизвестный А. Чуев.

Средство это до гениальности просто. Поскольку научными наблюдениями установлено, что хулиганов обычно сопровождают особы женского пола в сарафанах, нужно запретить вход в сад всем женщинам, питающим симпатии к этому легкомысленному виду платья. Причем никакие поблажки или исключения недопустимы — только при этом условии вышеуказанное средство доведет борьбу с хулиганством до победного конца. Если, скажем, в саду появились тов. М. Аладыгина, лично известная А. Чуеву как гражданка, в хулиганстве не участвующая, то, хотя она и железнодорожный врач, все равно ей не место среди мирных граждан, отдыхающих в саду, поскольку она явилась в сарафане.

Научные наблюдения продолжают. Замечено, например, что чуть ли не все хулиганы, нарушающие общественную тишину, имеют обыкновение носить брюки. Надо думать, что администрация железнодорожного сада учтет это важное обстоятельство и соответственно расширит категории граждан, коим доступ в сад должен быть категорически закрыт.

— Вы, Иван Матвеевич, выступали на собрании непосредственно передо мной. Можно узнать, о чем вы говорили?

— А зачем это вам?

— Дело в том, что я присоединился к предыдущему оратору.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил! Посоветуй, что мне делать? Как мне убедить папу и маму в том, что полученная мною при переходе из 7-го в 8-й класс похвальная грамота действительно выдана мне школьным советом 150-й школы Ленинградского района, а не сфабрикована мною самой.

Дело в том, что вскоре после окончания испытаний, в результате которых я получила похвальную грамоту, папе принесли из школы известие о том, что при школе открыты репетиторские группы для подготовки к осенним испытаниям. Это известие рекомендует моим родителям направить меня в одну из этих групп для подготовки к осенним испытаниям.

Я заметила, что родители мои стали подозрительно на меня поглядывать.

Но этого мало.

Наднях пришла к нам девушка с завода, который шефствует над нашей школой. Очень симпатичная девушка. Мне она понравилась с первого взгляда.

Но представь себе, дорогой Крокодил, мой ужас, когда эта славная девушка сказала моему папе: — Ваша девочка получила повторное испытание на осень по арифметике. Что вы думаете предпринять для успешной сдачи ею испытаний?

Папа пытался было сослаться на то, что у девушки, вероятно, неправильный адрес. Оказалось, все правильно: и адрес, и школа, где я учусь, и моя фамилия.

Помоги мне, дорогой Крокодил!

Не можешь ли ты поговорить с директором нашей школы о том, что актив завода с такими симпатичными девушками можно использовать с гораздо большей пользой, давая ему правильные сведения. Напомни директору так-

же о том, что арифметика в 7-м классе не проходит, а заканчивается в 5-м.

Кстати, не лишне будет добавить, что 5-й класс я также закончила с похвальной грамотой.

НИНА ПАВЛОВА,
ученица 150-й школы Ленинградского района.
Москва.

Дорогой Крокодил!

Недавно наш институт получил из Москвы посылку с наложенным платежом на 250 рублей. Вскрыв посылку, мы обнаружили в ней альбом, о котором в предисловии было сказано: «...настоящий иллюстрированный альбом содержит обязательную рецептуру и способы приготовления колбас и мясокопченостей... Альбом рассчитан на инженерно-технический персонал колбасных предприятий и работников магазинов, торгующих колбасой и мясокопченостями».

Нет сомнения, среди миллионов потребителей вкусных советских колбасных изделий числится также и немало советских врачей. Однако какое имеет отношение этот альбом к Ташкентскому институту усовершенствования врачей мы так и не поняли.

Любой пионер, кажется, знает, что наш институт готовит врачей. А вот взрослые дяди из торгового отдела «Пищепромиздата» (Москва) этого не знают. Они, видимо, знают только одно: альбом, изданный еще в 1938 году, не нашел спроса, залежался, и его надо как-нибудь сбыть.

В. АЛЕКСАНДРОВА,
зав. библиотекой Института усовершенствования врачей,
г. Ташкент

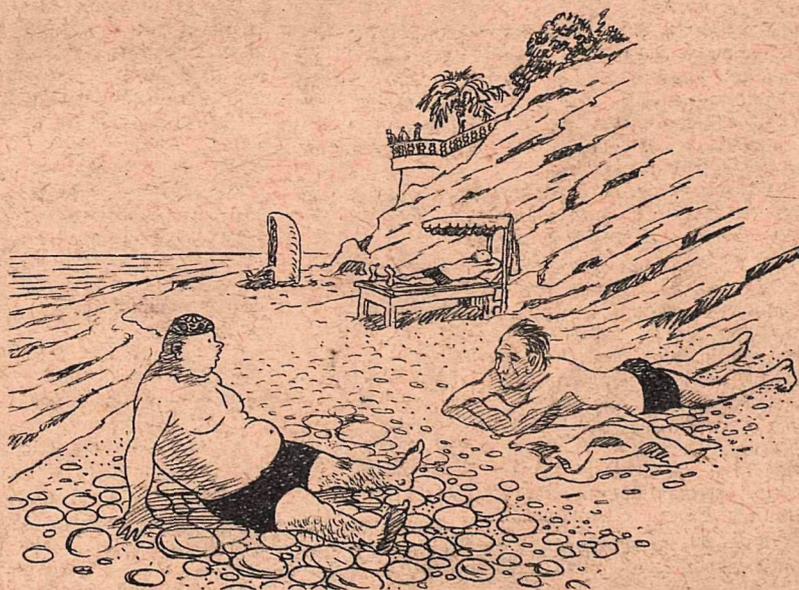
Что любят отдыхающие? Сердобольная сочинская «Курортная газета» все-таки нашла ответ на этот мучительный вопрос. Отдыхающие больше всего любят ломать голову. В переносном смысле, разумеется: решать замысловатые ребусы, хитроумные задачи, заковыристые головоломки. Придя к такому выводу, «Курортная газета» стала выпускать серию книжечек под общим названием «На досуге». Книжечки крохотные, по 8 страничек. Тираж большой — 10 тысяч экземпляров. Цена грандиозная: 75 копеек штука. Фирма солидная: на обложке значится «Издание «Курортной газеты». Дело — прямо будем говорить — выгодное. Настоящий «бизнес»!

Кому выгодно — кому нет. Пока составитель Г. Борисовский и ответственный редактор А. Стекольников готовят на досуге свои головоломки, отдыхающие, купившие эти книжонки, разгадывают совсем другую задачу.

Вот выпуск первый — «10 игр с карандашом». Выпуск второй, — «Кроссворды, ребусы, задачи». Но что это? Второй выпуск отличается от первого только обложкой, названием, а содержимое одно и то же. Как говорится, ребус в ребус, кроссворд в кроссворд. Тут, может быть, какая-нибудь опшибка, типографская небрежность? Но, нет: на первом выпуске значится номер Горлита 480, а на втором — 489. Значит, дважды издали одно и то же под разными этикетками, надув доверчивого курортника, по наивности купившего оба выпуска.

Головоломки, напечатанные в книжонках, в общем, довольно легкие. Разгадать их нетрудно. А вот над главной головоломкой придется подумать: почему «Курортная газета» занялась таким мелким торгашеством?

Рис. В. Васильева

— Чорт его знает, лечусь от полноты, а все больше толстею!

— Да зачем же вы на солнце лежите? Ведь от тепла тела расширятся!

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц.

Изд-во «Правда».

Москва. Изд. № 737.

Сдача текста и рисунков 31/VII 1940 г.

Подписано к печати 8/VIII 1940 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

№ А 28919. Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2566. Тираж 271 000 экз.

34

ФРАНКО:—Кто последний? Я — за вами.

Период и серия	Лет рецензий	Уч. лет
15/111		
15/112		
15/113		

Юг 40